

Вос. акад. Малый
м-р

14/1-87
Москва

МОСКОВСКИЙ МАЛОЛЕТНИЙ ТЕАТР
Г. КОСЕВА

17 МАЯ 1987

— **ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ**, недавно я была на вашем спектакле «Доходное место» по комедии А. Н. Островского и обратила внимание на возрастную составную часть зрителей, очень много молодежи. Причем, это была наиболее благодарная, эмоционально реагирующая часть зрителей. Работа смеялась, аплодировала. Вы рассчитывали на успех у такой аудитории, когда решили поставить Островского?

— Конечно. Если серьезный «взрослый» театр отказывается от надежды привлечь молодежь, перед ним возникает реальная опасность стать театром вчерашнего дня. Поэтому я так люблю молодежь и в зале, и на сцене. Ей, может, не хватает опыта, образованности, даже культуры, но чувство современности — это своего рода талант, которым природа в полной мере одаряет только юность. А с возрастом он, бывает, проходит.

— Но зато появляются, как вы только что сказали, опыт, образованность, культура...

— Появляются. В лучшем случае. Но, в отличие от каждого конкретного человека, театр в целом с возрастом должен становиться и умнее, и моложе. Таков непреложный закон искусства.

— Пьеса «Доходное место» исполняется 131 год. Давайте не будем специально останавливаться на том, что всем в общинах ясно: пьеса отличная. Островский предвидит более современных, чем многие из нас живущих. Ваш выбор понятен и социально обоснован особенно сейчас, когда в нашей стране так часто обозначился совместный кризис нравственных резервов общества: запасы совести, порядочности, долга, интеллигентности. Кто же помнит нас в этом смысле, если не признанные народом авторитеты.

Мой вопрос касается лишь собственно режиссуры. Вы осознаете, что традиционно сдержанным в использовании выразительных средств или это «заданность» стен Малого театра? Вы стремитесь к исторической подлинности, воссозданию атмосферы времени Островского или просто не решались откровенно «модернизировать» пьесу, как поступают сейчас с классикой многие режиссеры?

— Стремлюсь к подлинности. Не вижу смысла в стилизованной модернизации. Во всяком случае, если режиссерские решения очень редко кажутся оправданными. Ассоциации с современностью должны возникать в уме зрителя, а не обрушиваться на него в готовом и фобикованном виде. Правда, удается поступать далеко не все, что идет в духе театра. Но за режиссерам в таком случае стараться спорить и знать о том, что классика для многих моих коллег отнюдь не является святыней. Режиссерское видение — вещь сложная, крайне индивидуальная, субъективная. Не знаю даже, правомерно ли то, что называется профессиональной оценкой. Думаю, каждый из нас о работе другого режиссера может судить лишь как зритель. Ну и как зрители, мне тяжело-то принять, скажем, Лазаря с Кладьюми, которые в нетривальном виде выносят отношения в бане. Видимо, на сцене Малого театра подобное действительно невозможно: стены не позволяют.

Причины же такой модернизации, на мой взгляд, следуют и искать не только в причудливых полках фантазии создателей спектакля, а их внутренней раскованности по отношению к тем авторам, которые за себя постоять уже не могут, но в определенном недоверии к зрителю. И для такого недоверия, возможно, есть основания: всегда была часть публики, которую привлекало и волновало зрелище разрушения традиций.

— Знаете, во время спектакля «Доходное место» я получила как раз о другом. Мне понравилось, что вы — зрители разного возраста, образовательного и культурного уровня, в одной системе «таблетки» — вместе отыскали душу в истинно классическом театре, где хорошие актеры играют умно и со вкусом, где все гармонично: костюмы, декорации, музыка, где есть Островский и стены, его обозначающие. И тому же серьезности, логичности режиссерских средств для меня, например, — это знак уважения театра и актеру, и его аудитории.

ти. Для Малого театра такое отношение особенно характерно. Да, Малый театр — это традиционный актерский театр. Актер здесь — не только главная и постоянная. Впрочем, у самых удачных традиций при желании можно обнаружить оборотную сторону.

— У этой томы? — Актерская уверенность, самоуважение — ведь, необходимые для полного раскрытия таланта. Но для успеха общего результата уживаться и себе должно сочетаться с уважением и другими участвующим коллективному процессу. Если же самый хороший актер вымывается на себе и ему невентересны партнеры, на тем более режиссер со своей концепцией спектакля, можно, видимо, говорить о некоторой патологии, незадоказанной для театра. Но во всяком актер чувствует себя главным человеком в театре. И даже не всякий талантливый ак-

— Некоторое снижение культурного уровня обостряет амбиции. Великие актеры — Сумбатов-Южин, Пашенная, Садовский — спокойно играли в очередь с другими актерами второго состава. Рядом с ними могли существовать менее маститые и это было естественно и нормальным. У нас сейчас такое почти невозможно: если титулованный артист заболел или поинтересовался, что роль у него не идет, то спектакль или заменяется, или снимается совсем, хотя в труппе можно найти другого исполнителя. Чего ж там думать о своих товарищах, главное это «э», а все вокруг меня...

А что такое эти нормы спектаклей для народных артистов. Конечно, если бы, он должен, наоборот, играть

вы». Хочется поставить спектакль о совести, душе, доброте... Только за последний сезон из-за нашей нерасторопности и старого косного мышления мы потеряли две замечательные пьесы Рошина. И вряд ли, по моему мнению, этому автору захочется вновь прийти в наш театр. Сердце болит, когда понимаешь, что в театре не идут произведения Айтматов, Булова, Распутина, Абрамова, Зорина, Петрушевской, Гельмана, Разумовской... Кто же за это в ответе? Кто упорно и настойчиво несаждает другую псевдоакадемическую линию в Малом театре? Пора, наконец, дать права главному режиссеру. Он должен отвечать за будущее Малого театра.

— Кстати, а почему из репертура исчез постановки вам спектакль

Из воспоминаний и надежд...

О сложном и важном взаимодействии прошлого и настоящего театра — наша беседа с режиссером-постановщиком Малого театра Владимиром Бейлисом. В эти дни Владимир Михайлович приблизился к ответственному рубежу на своем жизненном пути — к пятидесятилетию. Время творческой зрелости, итоги, надежды...

тер. В этом смысле и актерской демократией у нас плохое. Историю, по поводу режиссерской демократии мы мне, пожалуй, не задавать вопроса. И не смуту на него отвечать. Мне кажется, у нас далеко не все считают должност режиссера необходимым театру. И мне, например, запомнил программу инициативы главного режиссера — приглашать в Малый театр на постановку специалистов извне советских и зарубежных режиссеров, а главное — дать наконец возможность активно проявить себя выросшим в театре постановщикам, которые годами не получают шансовую работу.

Итак, актерское равноправие открыто театру... И тогда и сразу по окончании ГИТИСа был приглашен в Малый театр, а это было в конце 80-х годов, — молодым у нас говорили «в Малом театре нужно сидеть и не думать ни о чем, чтобы вы не уехали». И действительно — сидел, ждал, ходил никому не нужным по коридору. Сегодня молодые артисты играют и играют много. Но стало ли театрально исполнению роли являться в какой-то мере профессией? Есть ли профессиональные работы, но не более того. А если что-то захочет выпрыгнуть из общей массы удержанных артистов или актрис, выпустит свое пельмо, то это уже похвально, надо его «принимать» «принимать» по общему уровню. Существуете при этом и беспроблемные режиссеры, которые порой называются также распределенные роли, которые очень устраивает руководство, но не устраивает режиссера. Но вот уже и первая подписка, и репетиция идет... И пусть только посмеет режиссер снять мелкую актрису с роли, даже если она у нее не идет, если нет с этим режиссером творческого соприкосновения и все театр помнят, что у той был другой артистический мет творческого потенциала, а в прошлом, но режиссера заставили идти на компромисс. Сильно приходится тратить силы и энергию на разбирательство жалоб, разборов акционом, которые пересылаются на вышестоящие инстанции, почему отделе членов коллектива друг с другом не здоровается...

— А почему не здороваются? — Общаются. — Но это не интеллигентно. Это примета плохого воспитания. А ведь Малый театр самым интеллигентнейшим, образованнейшим актерам.

больше, чем радовой актер, раз он народный. И билеты на гастроли только в СВ, и номер в гостинице лучше, чем у других. Конечно, актер, как никто другой, нуждается в поощрении, признании. Сцена — это место, где признавание нужно каждый день завоевывать заново.

— Какая же из традиций Малого представляется вам наибольшей проблемой в свете сегодняшнего дня?

— Малый театр всегда был театром, исполняющим в основном социальные заказы.

Это скорее можно характеризовать как что-то на обрыве обслуживания. А в этой области всегда были отличия, трючки, двучины. Мы — отличники. Были и есть. И вот сегодня это стоит перед нами, как препятствие, на мой взгляд.

В свое время к нам приходил и ни с чем уходил Вахитов. У нас была инсценировка Абрамова «Два зима и три лета». Нам приносили почти все то, что сейчас привлекает заслуженное внимание зрителей в других театрах. Но мы не брали. «Этo не для Малого театра. А что для Малого театра?» выясняется, нам нужны были литературные ценности. Ни у кого другого театр, конечно, не приход инсценировку по роману Георгия Маркова, если бы он не был руководителем Союза писателей СССР. И что интересно. Коллектив сразу разоборался в этой пьесе. На чисте труппы оно было отвергнуто. Но затем буквально навязан к постановке. Нам поставили «отличник». Но, несмотря на все усилия режиссера, актеры, спектакль получился мертворожденным. Не так давно худсовет его снял... он еще идет до конца сезона. Мало ли чего?

Я мечтаю об читательской группе молодой писательницы Нины Садури «Пока вы жи-

«Из воспоминаний идеализма» по рассказам Чехова? Он ведь нравился и зрителям, и даже критикам?

— Простите. У нас так бывает. Это была самостоятельная выпенная работа... Нецеловоческие усилия стоило сделать коллективу создателей спектакля доказывать жизнеспособность этой работы. Но планы не исполнились. Пьеса «Московский комсомолец» писала с ней. Мы сыграли спектакль около тридцати раз, и его сыграло только потому, что его создание произошло без благословения художественного руководителя театра. И это не единственный случай с самостоятельными работами, когда не дело режиссуры, а отношения к театру руководителя театра. С этим трудно. Вообще-то я вдруг подумал: может быть, нашему театру, который многим хочется консервативным, именно консерватизма и не хватает? В смысле особого пристрастия к старому, к давним традициям. Ведь в Малом театре когда-то так ценили индивидуальное, самостоятельное творчество, так внимательно относились к молодым, так любовно воспитывали учеников. Стоит послушать, как рассказывает Пров Пруньч Садровский об этом, об отношении его к театру и людям театра. Императорский Малый театр поставил «Горь от ума» А. Грибоедова, поставил еще некогда запрещенные пьесы А. Островского...

У каждого театра, как у каждого человека, есть свой стиль. В яркой социальной ситуации сегодняшнего дня Малый театр, видимо, и не должен оказаться в числе тех коллективов, которые стремятся громче кричать или даже прыгнуть. Наша пререстройка может стать тыщальным отбором всего разумного, честного, светлого, гуманного из богатств, накопленных многими поколениями интеллигентов и творцов Малого театра. И мы нисколько не отстанем от стремительного движения времени.

Беседу вел Н. РАДЬКО.